Видя, что отношение Сун Дашаня внезапно стало холодным, и даже теперь, когда у матери Сун не было никакого лица перед ее сыном, Ван Цуйхуэй втайне сказала, что это нехорошо, и сразу же улыбнулась и шагнула вперед, чтобы поговорить. "Дашань, мы также слышали, что наша невестка здесь, и мы думаем о ней. Поэтому мы отправились к ней. Теперь трудно видеться с ней. Давай поближе познакомимся с моей невесткой, и пусть дети познакомятся со своей тетей". Мэйдзи с отвращением нахмурилась: "Я не твоя невестка. Я не тетя ни одного из ваших детей. Мой племянник - Сяо Бао. Вы можете вернуться туда, откуда пришли". Ван Цуйхуэй нахмурился, услышав бесцеремонные слова Мэйдзи. "Я этого не говорила. Сломанные кости все еще соединены с сухожилиями. Семья есть семья. Как ты можешь отрицать своих родителей, братьев и сестер, и ты не можешь говорить такие горькие слова в будущем".

Мэйдзи испытывала крайнее отвращение к монологу Ван Цуйхуэй. Она снова лениво посмотрела на них и проигнорировала. Никто не обращал на это внимания, и Ван Цуйхуэй было все равно. Она улыбнулась и наклонилась ближе к столу: "Сегодня особенный день. Для того, чтобы наша семья была счастлива вместе, вы должны поделиться этим хорошим вином и едой".

После того, как Ван Цуйхуэй закончила говорить, она повернулась к двум своим детям и поманила их. "Поторопитесь, ваша тетя сегодня вернулась. Подойдите и поприветствуйте свою тетю", - сказала она и уже собиралась оттолкнуть Ли Мо и Сун Дашаня, сидевших рядом с ней. - "Второй дядя и вторая тетя, вы должны освободить свое место. Чтобы двое детей могли поесть". Ли Мо не двинулась с места и бесцеремонно сказала: "Мы не собирались приглашать вас завтракать. Вы можете вернуться домой и поесть". Ван Цуйхуэй не ожидала, что Ли Мо так прямо скажет, что им не разрешают здесь есть. Она замерла на некоторое время, прежде чем улыбнулась и сказала: "Неужели вторая тетя боится, что будет слишком много людей, которые хотят есть? Все в порядке, мы просто хотим остаться и немного поговорить с моей невесткой. Не имеет значения, что мы едим". Она последовала своему слову и сказала: "Второй дядя и вторая тетя, вы немного подвинетесь, и мы сможем сесть". Она протянула руку и хотела оттолкнуть Ли Мо и Сун Дашаня.

Ли Мо уставилась на руки Ван Цуйхуэй и ей было слишком лень вести бессмысленный разговор с этим бесстыдным человеком. Ли Мо прямо сказала: "Ван Цуйхуэй, если ты посмеешь прикоснуться ко мне сегодня, не думай, что я не причиню боль твоим рукам!". Ван Цуйхуэй испугалась строгого голоса Ли Мо, и ее рука, которая собиралась толкнуть их, остановилась. Через некоторое время ей стало стыдно, что она ее боится. Ради своей репутации она крикнула: "Я твоя невестка. Ты даже назвала мое имя без всякого уважения! Неужели ты не научилась хорошим манерам?!", - после того,как она сказала, она толкнула Ли Мо под руку.

Глаза Ли Мо были острыми, она схватила палочки для еды и яростно ударила Ван Цуйхуэй по руке. Она услышала звук прикосновения палочек для еды к коже, и после этого последовал свиноподобный крик Ван Цуйхуэй.

"Ли Мо, маленькая сучка, ты смеешь бить меня? Я твоя Мать и ты посмела унизить меня сегодня!"*.

(Здесь Ван Цуйхуэй начала использовать (неформальный; вы) вместо (формальный; вы).

Твоя Мать - это такая фраза, как "твой Отец", которая использовалась, чтобы показать власть над человеком).

Теперь Ван Цуйхуэй было все равно, притворяться или нет. После того, как боль утихла, ее лицо покраснело от гнева, и ее истинный цвет был показан Ли Мо. Ли Мо была готова контратаковать, но прежде чем Ван Цуйхуэй успела подойти, из-за ее спины протянулась рука и сурово схватила приближающуюся руку Ван Цуйхуэй. Затем он толкнул девушку, и она упала на землю.

Увидев это, мать Сун и Линь Чжаоди поспешили вперед, чтобы поднять плачущую Ван Цуйхуэй, но она так и не могла встать. Она оттолкнулась от их рук, упала на землю и покатилась: "Меня кто-то ударил. Мой деверь избил свою невестку без всякой причины". Сун Дашань увидел, что Ван Цуйхуэй снова использовала те же старые трюки, и проигнорировал его, обняв Ли Мо и глядя на мать Сун, которая стояла прямо и безмолвно замерла: "Мама, ты сейчас же заберешь мою невестку. Не создавай проблем в моем доме".

Мать Сун нахмурилась: "Дашань, что с тобой? Разве ты не приглашаешь свою мать поесть у тебя дома?". Сун Дашань поднял глаза и посмотрел на свою мать, но уважения к ней больше не было. Его мать всегда смотрела на него слабо и беспомощно, а затем произносила фразу, которая ранила бы его сердце, если бы он этого не делал. Каждый раз, когда он сильно царапал слой кожи в своем сердце, кровь в его сердце уже иссякла. Теперь у него есть жена и дети, которые нуждаются в защите и больше не могут этого выносить.

"Мама, если у тебя нет еды, твой сын даст тебе еду, но я не обязан кормить своих невесток и племянников. У нас дома есть только это блюдо, которого нам было достаточно. Если ты хочешь есть, просто оставь его себе. Но другие люди должны вернуться и поесть в своих домах".

Мать Сун потеряла дар речи от слов сына. Он мог бы накормить ее, но почему он не мог накормить этим своих братьев, сестер и племянников? Разве семья не должна поддерживать друг друга? Почему они должны так заботиться об этом? Мать Сун бессознательно молчала, так как у нее на сердце было тяжело. Сун Дашань скривил губы. Его тон не колебался: "Мама, когда я был ранен и вернулся, вместо того, чтобы помочь мне, мой старший брат и мой третий брат немедленно отделили мою семью от своей, и они хотели, чтобы я как можно скорее покинул дом. Почему? Когда я оказался в трудной ситуации, мой дом рухнул, и я занял деньги, чтобы отремонтировать дом. Почему ты не помогла мне и даже помогла выплатить компенсацию?".

Лицо матери Сун немного изменилось со словами Сун Дашаня. Ее лицо было бледным, губы дрожали, как и голос: "Дашань, значит, в твоем сердце есть ненависть? Ты недоволен нами в своем сердце? Ты не понимаешь положения нашей семьи. У нашей семьи мало денег. В конце концов, твой племянник будет ученым. Если твой племянник в будущем станет чиновником, разве тебе не станет лучше? Если ты поможешь своему старшему брату и младшему брату, в будущем они будут помнить твою доброту, и твой племянник поможет вам в будущем. Почему ты не понимаешь?!". Сун Дашань усмехнулся: "Мама, мои племянники будут успешными в будущем. Я не жду, что они мне помогут. Я не хочу, чтобы они меня беспокоили. Теперь, когда я отделился от основной семьи, каждый должен жить своей собственной жизнью. Верно?".

Теперь мать Сун была в полной панике. Ее второй сын действительно изменился и никогда не слушал ее. Он был так жесток со своей матерью. Даже ее третий сын был таким. Все они были злобными и безжалостными. К счастью, она продолжала говорить себе, что ее второй сын был хорошим, но, кажется, второй сын тоже начал меняться. Мать Сун подумала об этом и грустно сказала: "Ну, ну, я знаю, ты перестал заботиться о своей Старой матери с тех пор, как вышел замуж. Не волнуйся, я больше не буду тебе мешать", - сказав это, она повернулась и ушла. Увидев, что ее свекровь ушла, Линь Чжао быстро забрала двух своих детей, а дети Ван Цуйхуэй убежали, как только увидели, что они уходят. Ван Цуйхуэй, которая все еще лежала на земле, осталась позади.

Когда Ван Цуйхуэй увидела, что ее свекровь и невестка только что оставили ее, ее зубы были стиснуты от гнева. Но она не хотела уходить. Как она могла так поступить после того, как они ее ударили? Она ни за что не согласится! Подумав об этом, Ван Цуйхуэй тут же оперся на свою талию: "Моя талия, я, должно быть, сломала ее. Вы должны быстро дать мне немного денег на медицинские расходы, чтобы я могла пойти к врачу".

Ли Мо фыркнула и обратилась Мэйдзи, ее мужу и детей: "Давайте есть, не сердитесь на глупых людей". Мэйдзи тоже улыбнулась и кивнула: "Да, давайте поедим". Несколько человек ели, не заботясь о лишнем человеке. Они даже произнесли тост вместе, как будто Ван Цуйхуэй там не было. Ван Цуйхуэй была по-настоящему взбешена. Они проигнорировали ее. Они ели и пили так, как будто ее там не было. Она не могла этого вынести. Поэтому она схватила землю и бросила ее на стол. К счастью, комок земли был оставлен Сун Дашанем, так что еда не была покрыта грязью. Но поступок Ван Цуйхуэй был действительно отвратительным. Сун Дашань положил палочки для еды. Он встал и направился прямо к Ван Цуйхуэй. Он схватил ее обеими руками и потащил к выходу из дома, как дохлую свинью. Как бы Ван Цуйхуэй не пыталась сопротивляться, он продолжал вытаскивать ее из дома. И снова вышвырнул ее вон.

Ли Мо посмотрела на фигуру Сун Дашаня, уголки ее рта приподнялись, и ее сердце почувствовало облегчение. Когда Сун Дашань вернулся, она наполнила его бокал вином и подняла свой: "Я счастлива сегодня. Я выпью за тебя". Сун Дашань знал, что имела в виду Ли Мо. Посмотрев на нее с минуту, он тоже улыбнулся и взял стакан. Они произнесли тост и выпили. Ли Мо посмотрела на Мэйдзи с горькой улыбкой и сказала: "Мэйдзи, делай все, что хочет твое сердце. Не грусти. Мы с твоим братом поддержим тебя. Те, кто не заботится о тебе, они того не стоят. Не думай об этом. Давай, поешь овощи". Мейдзи улыбнулась и посмотрела на мужа, который беспокоился о ней. Она чувствовала, что ее невестка права. Почему она жалеет людей, которым на нее наплевать? Поэтому она кивнула: "Невестка, ты права. Мне не нужны те, кому я не нравлюсь. Давай продолжим есть".

Ли Мо почувствовала облегчение, прежде чем увидела, что атмосфера непринужденности снова вернулась. После еды несколько человек прибрались в доме, затем они взяли свои корзины и снова отправились на заднюю гору. На этот раз на храмовой ярмарке распродался весь бальзам, который был у них на руках, и им пришлось сделать новую партию. В противном случае Ли Мо не смогла бы предоставить его Ян Ланьхуа и другим людям. На этот раз было сорвано всего несколько корзин цветов. Ли Мо планировала сделать только пятьдесят коробок, которые должны быть проданы на некоторое время, а затем сделать их снова, когда они будут распроданы.

Четверо человек потратили полдня на изготовление пятидесяти коробок. Сделав их, Ли Мо

достала пять коробок и отдала их Мэйдзи, сказав: "Мэйдзи, в твоей горе много жителей. Каждый раз, когда ты выходишь, тебе нелегко ехать в город, верно? Возьми пока пять коробок бальзама, чтобы посмотреть, есть ли у тебя что-нибудь, кто их захочет. Если хочешь, можешь продать им коробку за 5 вень, а затем прийти ко мне, чтобы получить больше, когда она будет распродана. Держи это при себе". Теперь Мэйдзи знает, что женщины в деревне и ее невестка продавали бальзам другим. Она знала, что ее невестка хочет, чтобы она зарабатывала деньги. Она немедленно взяла средство и поблагодарила свою невестку за доброту, а также отдала деньги Ли Мо: "Невестка, тогда я тоже возьму их с собой и продам коробку за 4 вень".

Ли Мо махнула рукой: "Ты не знаешь, можно ли его продать. Невестка не будет взимать с вас плату в первый раз. Если ты продашь его, то можешь прийти, чтобы взять у меня больше, и я возьму с тебя плату в то время. Я возьму с тебя 3 вень за коробку". Мэйдзи не хотела соглашаться, но Ли Мо отказалась. Сун Дашань также убедил свою сестру взять коробки и заплатить за них в следующий раз. Мэйдзи пришлось с этим смириться. Поскольку на следующий день Ли Мо собиралась в город, чтобы сделать макияж Чэнь Сяотин, она проверила коробку с косметикой и поговорила с Мэйдзи. В тот вечер они оба рано легли спать и набрались сил, чтобы вскоре отправиться в город.

http://tl.rulate.ru/book/55569/1475503